

18+

Лана Нежная

НАСТЯ
33 несчастья

Лана Нежная

Настя. 33 несчастья

<https://litres.ru/74429004>

ISBN 9785007116732

Аннотация

- Ну привет, Настя. На голову мою несчастье.
- Я извиниться хотела. Я правда испугалась. Можете поругать.
- Слушай, давай на ты. Я не настолько старый.
- Ладно... Прости, пожалуйста.
- Настя, не бойся. Солдат ребёнка не обидит. Я почти забыл.
- А с памятью вообще всё у вас... ой, у тебя как? Всё вспомнил?
- Он усмехнулся уже открыто.
- Всё. Сорок лет, холост, детей нет. Ищу жену. Я замерла. Хлопаю глазами.
- Плохо. В вашем... в твоём возрасте уже пора семью иметь.
- Так я ж ищу.
- Ну... удачи в поисках.
- Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Настя	5
Глава 2. Дмитрий	11
Глава 3. Настя	19
Глава 4. Дмитрий	26
Глава 5. Настя	32
Глава 6. Дмитрий	39
Глава 7. Настя	45
Глава 8. Дмитрий	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Настя. 33 несчастья

Лана Нежная

© Лана Нежная, 2026

ISBN 978-5-0071-1673-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Настя

Сегодня в клубе небольшая заминка с охраной. Семён сказал, что разбирается. Я не лезу. Не моя компетенция. Мне и так много проблем от прежнего администратора в наследство осталось. С ними бы разобраться. Сегодня на очереди отчёты.

Приехал Михаил Александрович, владелец клуба, шеф. В хорошем настроении. Это сразу чувствуется: шагает легко, улыбается уголками глаз, разговаривает с персоналом, интересуется делами.

Меня до сих пор удивляет, как он вообще доверил мне клуб. Мне — двадцатидвухлетней девчонке без опыта, только диплом на горизонте да горящие глаза. А он поверил. Ещё и наставника приставил. Не просто «надзиратель», а настоящий наставник... Анна Геннадьевна — с огромным опытом работы и добрым сердцем. Невероятная женщина, мой пример для подражания.

А ещё и сам помогает.

Это работа моей мечты. И то, ради чего я училась. Управление бизнесом. Живое, дышащее дело. А не Excel-таблицы в пыльном офисе. И вот я здесь. В этом клубе. С отличным коллективом, чёткими процессами и возможностью расти. Тройное везение, как я про себя шучу. Поэтому стараюсь изо всех сил. Каждый день — как экзамен, который хочется

сдать на «отлично».

Обсудили с шефом текущие дела, получила от него новые ценные указания (ЦУ, как он их называет). Потом он ушёл к Семёну разбираться с той самой «заминкой». Может, останется помогать — он уже так делал. Для него это не просто бизнес — это его детище. Он сюда душу вкладывает.

Я вышла в туалет. Но едва прикрыла дверь, как заметила его.

Мужчина. В берцах, потёртых джинсах и кожаной куртке, будто сошёл с обложки какого-то боевика. Здоровый. Лицо со шрамом. Выглядит как бандит из фильма про 90-е. Точно не из тех, кто приходит сюда отдыхать. Да и до открытия ещё рановато.

Он зашёл в служебное помещение. Я прикрыла дверь туалета, оставила щель. Вышел, пошёл дальше. Заглянул в следующую комнату. Потом в третью. И наконец скрылся в серверной. Там, где всё оборудование. Туда нельзя посторонним.

Сердце у меня упало в пятки. Что он там делает? Кто он? «Крикнуть? А если он выйдет и будет хуже? Семён далеко...»

Недолго думая, выскочила в коридор, схватила огнетушитель у стены. Тяжёлый, холодный, но знакомый по учениям. Встала у двери серверной. Задержала дыхание.

Дверь открылась. Он вышел. Я... ударила.

Бах. По голове. Точно как в инструктаже: «Если угроза —

действуй решительно». Только вот угроза ли?

Он осел на пол. Без звука. Потом мой собственный голос, дрожащий, почти не мой: — Помогите!

Я опустилась рядом. И пришло осознание...

Боже... Что же я наделала?

— Михаил Александрович... — прошептала я, когда он подросел первым. — Кажется, я его... того...

Слёзы уже давили изнутри, висели на ресницах, но не падали, будто боялись.

— Он ходил по коридору... осматривал всё... потом зашёл в серверную. Я испугалась! Думала, вдруг что-то сломать хочет... или украсть... Решила остановить... И вот... приподняла огнетушитель.

Михаил Александрович быстро проверил пульс. — Живой, Настя. Это Дима. Я его вызвал на помощь охране. Воды принеси!

Я вскочила, побежала. стакан, полотенце, всё, что под руку попало. Когда вернулась, он всё ещё лежал. Бледный. Небритый. Шрам чётко выделялся на коже. Я опустилась на колени. Смочила полотенце, аккуратно протёрла ему лицо, приложила ко лбу. Легонько похлопала по щекам. — Дмитрий... очнитесь, пожалуйста...

Наклонилась ближе. Обхватила ладонями его лицо — тёплое, но колючее от щетины. Больно, наверное, было... когда он этот шрам получил. Но глаз не задет — это хорошо.

И вдруг его веки дрогнули. Глаза медленно открылись.

Сначала растерянно. Как будто из глубокого сна. Потом взгляд сфокусировался... прямо на мне.

Глаза серые, как небо перед дождём. Радужка тёмная, почти графитовая, с едва уловимыми крапинками, будто в сталь попала звёздная пыль.

Я замерла.

Не знаю, сколько это длилось — секунду или целую вечность. Но в этот момент как будто всё вокруг исчезло. Остались только эти глаза.

Потом резко жар. Как будто обожглась. Резко отдёргнула руки, отвела взгляд. Щёки вспыхнули.

Михаил Александрович помог ему сесть. Проверил зрачки, спросил, как самочувствие. Он провёл ладонью по затылку, взглянул на кровь на пальцах — без удивления, будто видел такое не раз.

— Бывало и хуже. Жить буду.

Все начали расходиться. Только я осталась. Стою в сторонке, не зная, куда деться. Извиниться? Помочь? В больницу с ним поехать? Лечение оплатить?.. Это же я его...

Когда он спросил: «Что вообще произошло?» — я не выдержала. Подошла, опустилась рядом. Голос дрожит, но я говорю честно, как есть:

— Дмитрий... это я. Я вас ударила. — Подняла огнетушитель, будто доказательство. — Думала... вы что-то плохое задумали. Простите, я не знала, что вы из охраны.

— Охранник? — переспросил он, и в его глазах читалось

чистое недоумение.

Меня будто током прошибло. — Боже... — Я повернулась к Михаилу Александровичу. — Он же ничего не помнит! Я его так сильно приложила... Он не знает, кто он!

Внутри всё сжалось. Чуть человека не убила. Покалечила. Память отшибла... Что теперь будет?

— Настя, угомонись, — мягко сказал Михаил Александрович. — Сейчас разберёмся. Иди работать. Всё под контролем.

Я кивнула. Но ноги не слушались. Хотелось сказать ещё сто раз «простите», объяснить, что я не сумасшедшая, просто... просто испугалась. За клуб. За людей. За то, что дорого.

Они ушли в кабинет охраны. Но по пути он несколько раз оглянулся. На меня. Вроде бы не злобно. Скорее задумчиво.

Я сползла по стене, села на пол. Рядом — огнетушитель, как насмешка.

Потушила, блин, пожар... А надо было просто позвать на помощь. Бестолочь форменная...

Посидела минуты две. Потом встала. Сейчас не время для истерик. Скоро открытие. Ещё успею с ним поговорить. А пока — работа.

Но поговорить нам так и не удалось. Охрана сегодня была на разрыве.

Пока я сверяла отчёты, в зале что-то грянуло. Крики, грохот стульев. Выскочила из кабинета. Драка у бара: двое здо-

ровых парней вцепились друг в друга, третий пытался разнять.

Дмитрий шагнул между ними. Он не кричал, не размахивал руками. Просто встал. Широкая спина будто перегородила весь проход. Один рывок — и первый парень уже сидел на полу, ошарашенный. Второй замахнулся... Я ахнула. Дмитрий ушёл в сторону, поймал руку в замок, скрутил без лишнего усилия. Профессионально. Холодно. И вдруг мелькнула тень в воздухе. Кулак третьего, сбоку.

Не в голову. Только не в голову.

Сердце пропустило удар. Я даже руки сжала, будто могла остановить этот удар на расстоянии. Но Дмитрий отклонился, будто почувствовал опасность спиной. Увернулся. Оттолкнул последнего к шефу. И всё стихло.

А потом он вообще куда-то пропал. Перед уходом заглянула в кабинет охраны — пусто. Только запах табака и пустые кружки на столе. Ушёл. Не попрощавшись.

Наверное, правильно. Зачем ему прощаться с той, что чуть череп ему не проломила?

Уехала домой на такси с ребятами.

«Бестолочь», — повторила я про себя как мантру. — Форменная бестолочь.

Глава 2. Дмитрий

Первое, что почувствовал — не боль. Боль — она мне как родная. В «горячих точках» она фоном шла, как радиопомехи на КВ.

Нет. Первым сквозь туман до мозгов дошёл запах. Тёплый такой, чуть цветочный.

Потом — голос. Женский. Дрожит, как у новобранца под первым обстрелом.

— Дмитрий... очнитесь, пожалуйста...

Глаза сами распахнулись. Медленно, веки будто свинцом залиты. Передо мной лицо. Круглое, веснушчатое, глазищи — зелёные. Губы дрожат. Щёки — розовые. А волосы — рыжие. Прямо ведьмочка... Только симпатичная.

Смотрит — пристально, внимательно. И ни тени страха в этом взгляде. Неужто шрам через пол-морды её не пугает?

Держит мою небритую физиономию в своих ладонях. Пальцы дрожат, но не отпускает. Крепко держит.

«Кто ты такая?» — хотел спросить. Но язык — как чужой. Не слушается.

Зато память вернулась резко, как удар прикладом по шлему: — Пришёл в «Луну» на подмогу. Миша — тот, что пару дней назад ночью из кювета на трассе меня вытаскивал, — звонил, просил прикрыть. Обычно я сам не выхожу, у меня ребят хватает, всё чётко, по уставу. Но сегодня не срослось.

Ему троих надо, а я нашёл только двоих. Поэтому решил сам съездить помочь. Да и вообще глянуть, что у него да как. Может, помочь не только делом, но и советом. — Зашёл в клуб. На входе — пусто. Логично: он же сказал, что проблема с охраной. Пошёл искать — одна дверь, вторая, третья... — Вышел — и бах.

Чёрт. Меня ж со спины приложили.

И не просто стукнули, а так, что в глазах звёзды забегали, будто ёлку новогоднюю включили.

И кто, интересно, у них тут такой смелый?

Меня подхватывают за локоть. Миша. Помогает сесть. Голова гудит, как после взрыва, но зрачки, похоже, в норме, сам проверяю, глядя в его глаза. Он тоже смотрит пристально: проверяет, не «поплыл» ли я.

— Как самочувствие? — спрашивает.

Морщусь, трогаю затылок — там уже наливается шишка. Но ухмыляюсь. — Бывало и хуже. Жить буду.

Персонал потихоньку расходится, поняли, что тревога ложная. Только она остаётся. Стоит в сторонке, переминаясь с ноги на ногу, будто нашкодивший ребёнок, который ждёт ремня. В руках мокрое полотенце, сжатое так, что костяшки побелели.

— Дим, тебе, может, в больницу? — не унимается Миша. — Вдруг сотрясение?

Я оглядываюсь. Коридор. Стены. Миша. И... Рыжая. Что-то в ней цепляет.

— А что вообще произошло? — спрашиваю. Хочу понять, кто.

Она делает шаг вперёд. Приседает на корточки рядом, почти на уровне моих глаз. Голос дрожит, но честно: — Дмитрий... это я. Я вас ударила. — Поднимает огнетушитель, как улику на суде. — Думала... вы что-то плохое задумали. Простите, я не знала, что вы охранник.

— Охранник? — переспрашиваю.

Она в ужасе прикрывает рот ладонью: — Боже... Михаил Александрович, я его сильно походу приложила... Он не помнит, кто он!... Что же делать-то теперь...

Миша мягко, но твёрдо говорит: — Настя, угомонись. Сейчас разберёмся. Иди работать. Всё под контролем.

Она кивает, но не уходит. Стоит, будто приросла к полу. Смотрит на меня с тревогой.

Миша снова спрашивает, тише: — Дим, ты как?

Я медленно поднимаюсь, опираясь на стену. Голова кружится, но держусь. — Можем вдвоём поговорить?

— Пошли, — кивает он и ведёт в кабинет охраны.

Иду уверенно. Но незаметно оглядываюсь на неё.

Приложила меня — крепко.

В кабинете устраиваюсь в кресле. — Миш, — говорю, массируя затылок, — что за девушка, которая меня на лопатки уложила?

Он прислоняется к столу, чуть усмехается: — Настя. Администратор клуба. А что?

— Администратор? — фыркаю. Не злобно, просто удивлён. — Да она же мелкая совсем...

— Маленькая, да удаленькая, — парирует он. — Вояку в нокаут — с одного удара.

Хмыкаю. Такие девчонки — редкость. Смелые. С хребтом. — Твоя протезе? — спрашиваю прямо.

— В смысле? — насторожился.

— Ты её продвигаешь? Девушка? Любовница?

Он смотрит мне в глаза без улыбки, но и без злобы. Честно. Это я уважаю. — Дим, я не пойму, к чему вопросы? Не моя. Просто талантливая девчонка. Помогла в сложную минуту, я отблагодарил. Работу тянет. Не без помощи, конечно, но в целом доволен.

Я молчу. Жду. — То есть... могу приударить? — спрашиваю, уже почти шутя, но с нажимом.

Миша не отвечает сразу. Подходит к окну, смотрит на улицу. Сумерки, фонари, мокрый асфальт. Потом оборачивается: — Это уж с ней решай. Но... — делает паузу, голос становится твёрже. — Обижать её не надо. — Хорошая девчонка, — продолжает он тише, почти про себя. — С бабушкой живёт. Сирота, родители погибли, когда ей было тринадцать. Доучивается последний год. Сама на бюджет поступила. До этого подрабатывала официанткой тут... Чтобы бабушке лекарства оплачивать.

Слушаю. И вдруг всё становится на свои места. За этим милым личиком — сталь.

— Понял, принял, — говорю чётко. Без лишних слов.

Миша садится напротив, ставит на стол бутылку воды. — Выпей. Если голова болит, могу «Цитрамоном» поделиться.

Беру, откручиваю, делаю глоток. — Нормально. Извини, если что не так сказал. Зацепила. Не обижу её.

— И не надо, — отвечает он, уже потягиваясь к планшету. — У неё и так сейчас проблем тут выше крыши.

Остался помочь. Если начал, то доведи до конца. Поработали знатно.

Драка у бара — двое завелись, потом ещё подтянулись. В туалете выловили парня с «колёсами» — глаза мутные, руки дрожат. На танцполе две девицы из-за какого-то увальня вцепились друг другу в волосы. Вот эти барышни оказались самыми проблемными сегодня. Еле домой их выпроводили: одна рыдала в моё плечо, другая пыталась спеть «Катюшу» и утащить меня в такси.

Теперь сидим с Мишей за барной стойкой. Вода. Тишина. Только пылесос шуршит где-то вдалеке — уборка после ночной заварушки.

— Весело тут у тебя, — говорю, уголки рта приподнимаются сами.

— И не говори, — вздыхает он. — Сам в шоке. Обычно поспокойнее. Либо драка, либо что другое, но не всё сразу.

Он расплывается с моими ребятами. Они уходят.

— Дим, тебе точно ничего не должен? — спрашивает Миша серьёзно.

— Только если телефоном Насти поделишься, — бросаю шутливо.

— Неа. Сам давай. Так неинтересно же. У своей с боем доставал — упрямая досталась. Но оно того стоило, — улыбается он.

— Ммм... любовь-морковь? — поддразниваю.

— Ага. Настоящая. Ни на что не променяю. Тебе того же желаю, если ещё не нашёл.

Молчу. Смотрю в потолок, где мигает лампа — будто маяк в темноте.

— Да кому я был нужен, пока служил? Помотало по всей стране и не только. Где только не был. Ушёл в отставку, думал, начну жить. А тут пока с работой разбирался, пока квартиру нашёл, пока голову собрал после всего... До сорока лет жил по уставу: встал, служил, лёг. А теперь свобода. И пустота. Как после демобилизации, когда отдаёшь автомат и вдруг не знаешь, куда руки деть.

А теперь тоже...

— В клубах — молодняк. Смотрят на меня, как на деда. Прямо во взгляде читается: «Дедушка, слюни подотри». — В ресторанах — сплошь пары, каждый со своим самоваром, ну или хищницы на охоте на «обеспеченного мужика». Мне этого не надо. — В зал хожу... Но там тоже всё не то. Ещё и морду подпортил... Видимо, не правда, что шрамы украшают мужчину.

Миша кивает на шрам.

— Боевое? — спрашивает.

— Да. В рукопашке ножом полоснули. В темноте, не успел уйти. Провёл пальцем по рубцу — привычный жест, как проверка пульса.

— Всё будет, Дим. В своё время. Судьба не дура — сведёт с кем надо и когда надо.

Допиваю воду до дна.

— Может, и правда... — говорю тихо. — Можно я к тебе сюда охранником похожу на замену? Судьба мне сегодня одну боевую кандидатку подкинула. Не могу пройти мимо.

— Я не против, — кивает Миша. — С Семёном только договорись. Он у меня тут главный, всё расскажет.

— Миш, Насте пока не говори, что я не просто охранник, — бросаю ему на прощание.

И иду устраиваться на работу.

А Настю в тот день я так больше и не увидел по-нормальному.

В зал почти не выходила. Сидела где-то в кабинете. Не то чтобы пряталась, но явно держалась подальше.

Один раз мельком усёк — стоит у барной стойки, разговаривает с барменом. В руках папка, какие-то бумаги листает. По работе, видать.

А потом, когда я с Семёном договорился, её и след простыл.

Ну что ж, Настенька... Я не из тех, кто рвётся в атаку с барабанным боем. У меня есть опыт и в разведке, и в осаде,

и в затяжных операциях. Сейчас главное — со стратегией определиться.

Глава 3. Настя

Вечер опускался медленно, и вместе с ним просыпался клуб. Я пришла к началу смены, за час до открытия, как всегда. Внутри ещё царила та особая тишина: приглушённый свет софитов, запах недавней уборки, далёкое позвякивание барменских стаканов. Семён уже был на месте. Остальные подтягивались потихоньку — кто с сигаретой за дверью, кто с кофе в одноразовом стаканчике.

Обстановка расслабленная, почти домашняя. Музыка из колонок лилась тихо, без басов: какой-то лаунж-ремикс, чтобы не давить на уши до начала работы.

Я направилась к своему кабинету, но в узком коридоре у служебного входа буквально врезалась в стену из плоти.

— Ой, простите... — машинально начала я и подняла глаза.

И замерла.

Дмитрий. Но не тот, кого я видела вчера — растрёпанный, с горящими глазами, в мятой футболке, от которого пахло чем-то резким и опасным. Сегодня он был... другой. Чёрные брюки строгого кроя, рубашка того же цвета, заправленная, несколько верхних пуговиц растёгнуты, ремень, туфли. Руки спокойно опущены, плечи расправлены. Выглядел не как бандит, а как персонаж из тех фильмов, которые я люблю смотреть под пледом — мафиози с тёмным прошлым, но с

кодексом чести. И почему-то от этой мысли по спине пробежали мурашки.

Блин, Настя, он же охранник. Просто охранник. Перестань фантазировать.

— Дмитрий, добрый вечер, — выдавила я, чувствуя, как щёки предательски розовеют. — Как вы себя чувствуете?

Он чуть наклонил голову, уголки губ дрогнули.

— Ну привет, Настя. На мою голову несчастье. Нормально вроде. А что, переживала?

Голос — низкий. И в нём... насмешка? Не пойму.

— Я извиниться хотела, — слова посыпались сами, быстрее, чем я успевала их обдумать. — Вчера как-то не получилось. Вы меня извините, пожалуйста. Я правда испугалась... с перепугу просто... Можете поругать, высказать всё, что думаете, я не обижусь...

Он помолчал секунду, глядя на меня как-то... мягко, что ли...

— Слушай, давай на «ты». Что ты мне выкаешь? Я не настолько старый.

Я сглотнула. На «ты».

— Ладно... Ты... меня прости, пожалуйста.

— Настя, не бойся. Солдат ребёнка не обидит. Всё хорошо, не парься. Я почти забыл.

Солдат. Значит, служил. Интересно, это оттуда шрам на лице?

— А с памятью... вообще всё у вас... ой, у тебя хорошо?

— не удержалась я. — Всё вспомнил?

Он усмехнулся, уже открыто, без тени напряжения.

— Помню. Всё. Сорок лет, холост, детей нет. Ищу жену.

Я замерла. Хлопаю глазами, как дура.

Это что, подкат такой? Зачем он мне это говорит?

В голове завертелись мысли: он же старше меня, он охранник, я администратор, это непрофессионально, да и вообще...

Но губы сами выдали:

— Плохо. В вашем... в твоём возрасте уже пора бы семью иметь. А то вдруг что случится — кто позаботится?

— Так я ж и говорю. Ищу. Ту, которая позаботится.

Щёки пылают. Я киваю, пятаюсь к двери кабинета.

— Ну... удачи в поисках.

— Спасибо, Настя.

— Я пойду тогда?

— Иди. Ещё увидимся. Я теперь тут работаю официально, так что будем пересекаться.

Я киваю и ныряю в кабинет, захлопывая дверь за собой. Опускаюсь на кресло, прижимаю ладони к раскалённым щекам.

Он меня смущает... Сильно.

Клуб набирал обороты. За стенами кабинета нарастал гул — смех, басы, звон бокалов. Я сидела за своим столом, пытаюсь сверить отчёты по расходам на закупку алкоголя, но цифры расплывались перед глазами. В голове крутилась только

одна фраза: «Будем пересекаться».

Глупо. Совершенно глупо. Он просто охранник. Просто мужик, который вчера напугал меня до полусмерти, а сегодня вежливо принял извинения. И всё. Точка.

Семён сказал, что Дмитрий сегодня на камерах. Хотят что-то перенастроить.

Руки сами потянулись к кофемашине. Я налила крепкий эспрессо в керамическую кружку. Не в пластиковый стакан, нет. Налила аккуратно, добавила сахар, размешала. Сделала, как для шефа. Мне кажется, у них вкусы одинаковые. Поставила на поднос, положила салфетки и конфеты. Как извинение. Просто жест вежливости. Коллега коллеге.

Кабинет охраны находился дальше по коридору. Я поступала. Сердце уже колотилось так, будто я не с кофе пришла, а с признанием в любви.

— Входи, — донёсся его голос.

Он сидел спиной ко мне. На десятке экранов мелькали залы клуба, бар, танцпол, улица у входа. Пальцы умело перебирали клавиши, переключая камеры. В профиль скулы казались резче, чем вблизи, а в висках проступала проседь, которую я раньше не замечала.

— Я... кофе принесла, — выдавила я, ставя кружку на край стола рядом с его локтем. — В качестве... ну, извинений. Окончательных.

Он повернул голову, и в его глазах мелькнуло удивление. — Спасибо, Настя.

— Ерунда, — я нервно улыбнулась и потянулась, чтобы чуть сдвинуть кружку ближе к нему.

И тут что-то пошло не так: то ли я засмотрелась, то ли кресло мешало. То ли просто Вселенная решила, что мне сегодня мало унижений.

Кружка качнулась.

Время замедлилось до невыносимости. Я видела каждую каплю, описывающую в воздухе траекторию собственного позора. Коричневая струя горячего эспрессо приземлилась точно туда, куда нельзя. Совсем нельзя.

На брюки. Прямо на ширинку.

Дмитрий среагировал мгновенно: не вскочил, не выругался. Коротким, отточенным движением отодвинул кружку в сторону, одновременно отъехал от стола. Приподнял брючину, втянул воздух сквозь зубы, сжал челюсти. На секунду зажмурился и открыл глаза — уже холодные, собранные.

— Настя, твою дивизию, — процедил он.

— Прости, прости, прости!

Я схватила салфетки и бросилась вытирать. Руки дрожали, движения были поспешными, неловкими... и совершенно не туда направленными.

— Что ты делаешь, бедовая? — голос хриплый. — Меня дальше на прочность проверяешь?

Я замерла с салфеткой в руке, не в силах ни двинуться, ни вымолвить слово. Щёки пылали.

— Я... это... я вытираю! — пискнула я и потянулась к

эпицентру катастрофы.

— Стой.

Его ладонь легла на моё запястье раньше, чем мозг зафиксировал движение. Пальцы — шершавые, тёплые, хват — мягкий, но непреодолимый.

— Не трогай. — Голос низкий, ровный, без раздражения.
— Дай остыть.

Он не отпускал запястье, пока я не замерла. Только тогда разжал пальцы. Взгляд скользнул на экраны, проверяя обстановку в клубе, и вернулся ко мне — короткий, оценивающий.

— Кофе был горячий. Я заметил. Ты — тоже.

Я отшатнулась, как от удара током. Салфетка упала на пол.

— Я не хотела! Я просто... я нечаянно...

— Я понял. — Он вздохнул, провёл ладонью по лицу. — Ладно. Кофе я оценил. Жест тоже. Способ доставки... ну, скажем так, запомню надолго.

Я стояла столбом, готовая провалиться сквозь пол. Хоть бы тектонический разлом — лишь бы исчезнуть.

— Я сейчас принесу полотенце! И новый кофе! И... и всё!

— Настя, всё нормально. Дышать не перестал — уже хорошо. Если ты прекратишь свои покушения, то жить буду.

Он усмехнулся, и впервые я увидела, как от его глаз расходятся морщинки. Не злится.

— Аккуратнее в следующий раз. А трогать так мужчину...

— его взгляд скользнул вниз, — требует серьёзных намерений. Ты уверена, что готова?

Я икнула, не в силах вымолвить ни слова. Развернулась и почти побежала к двери.

— Настя, — окликнул он уже в спину.

Я обернулась.

— Спасибо за кофе.

Я выскочила в коридор и прислонилась лбом к холодной стене.

Настя, твою дивизию...

Глава 4. Дмитрий

Увидел её ещё по камерам.

Семён показывал систему — мелькали залы, бар, улица. А я ловил себя на том, что листаю экраны в поисках одного лица. Рыжие волосы, круглое лицо, зелёные глаза.

И вот она на мониторе. Спокойная. Собранная. В джинсах и свитере. Волосы собраны в небрежный хвост. Молодая. Очень молодая. Но походка уверенная.

Я проверял углы обзора — есть слепые зоны. Семён наблюдал за моими действиями. А я считал её шаги.

Десять... девять... восемь...

Встал. Отодвинул кресло без лишнего шума.

— Я на минуту, — бросил Семёну и вышел.

Направился в тот самый коридор. Встал у поворота, там, где свет софитов ложится тенью и человек из-за угла не разглядит заранее, кто перед ним.

Ждал.

Слышал её шаги — лёгкие, быстрые. Почти бесшумные.

И вот она — в двух метрах.

Подался вперёд. Мягко. Без рывка. Просто встал на пути так, чтобы разминуться было невозможно.

Бам.

Мягкое столкновение. Она отлетела на полшага — лёгкая, как пушинка.

Подняла глаза, зелёные, как лес после дождя. И в них — испуг. Мгновенный. А потом узнавание. И румянец.

Цель поражена, — отработал рефлекс. *Первый контакт установлен.*

А тело отреагировало раньше: ладони моментально вспотели. Чёрт. Когда я в последний раз нервничал при встрече с женщиной? Десять лет назад? Пятнадцать?

Красивая, — констатировал я. И тут же отругал себя: *Солдат, доложить состояние! Сердцебиение повышено. Дыхание учащено. Причина — не угроза. Причина — рыжая девчонка.*

Доложено. Принято. Стыдно.

— Ой, простите... — машинально начала она.

И замерла. Губы приоткрылись.

— Дмитрий, добрый вечер, — выдавила она. Голос чуть дрожит. — Как вы себя чувствуете?

Переживала, — понял я.

Извиняется, спрашивает про память.

— Помню всё. Сорок лет, холост, детей нет. Ищу жену.

Бах! Прямое попадание в цель, — сказал внутренний голос.

Она замерла. Глаза распахнулись. Захлопала ресницами.

— Плохо. В твоём возрасте уже пора бы семью иметь. А то вдруг что случится — кто позаботится?

А вот и характер, — отметил я с интересом. *Не растерялась. Ответила. Но забота в голосе, вроде бы, настоящая.*

— Так я ж и говорю. Ищу. Ту, которая позаботится.

Её щёки вспыхнули ярче. Она кивнула, попятилась к двери, будто отступала с поля боя.

Ушла в свой кабинет.

Постоял ещё секунду. Вдохнул воздух и уловил слабый шлейф. Цветочный. Её запах.

Эх, молодая ещё. Не знает, что мужики в моём возрасте не шутят про жену.

Ладно, — решил я. Осаду вести можно.

Пошёл обратно к кабинету охраны. Посмотрим, что будет дальше.

Долго ждать не пришлось.

Через час в дверь постучали. Лёгкие, нерешительные постукивания.

— Входи, — сказал я, не оборачиваясь.

Она вошла. С кофе. *Извинение в материальном виде*, — усмехнулся я про себя.

Поставила кружку рядом с моим локтем. Я повернул голову и поймал её взгляд. Нервный. Но искренний.

— Я... кофе принесла. В качестве... ну, извинений. Окончательных.

— Спасибо, Настя.

Она натянуто, но мило улыбнулась и потянулась, чтобы сдвинуть кружку ближе...

Ох, девочка, — мелькнуло в голове за секунду до катастрофы. Ты же сейчас...

Кружка качнулась.

Боль пришла первой — короткая, жгучая волна по бедру. Эспрессо был крепким и, как назло, горячим до предела. Мышцы живота сжались рефлексивно, челюсть стиснулась так, что закрипели коренные. *Блядь*, — пронеслось в голове, но язык не дрогнул. Служба отучила реагировать вскриками — только втянуть воздух сквозь зубы и собрать волю в кулак. Отъехал от стола, отодвинул кружку подальше — автоматизм: убрать источник угрозы.

А потом она бросилась вытирать.

И тут началось самое сложное. Я растерялся буквально на несколько секунд...

А её пальцы с салфеткой уже метались по ткани брюк. Неловкие, дрожащие, искренне напуганные. Но направление... *Чёрт*. Прямо туда. Каждое прикосновение, даже сквозь мокрую ткань, отзывалось в паху тупым толчком.

Чёрт. Не боль. Хуже. Тело заинтересовалось. А тело сейчас — последнее, чему можно позволить вести этот диалог.

Схватил её за запястье раньше, чем мозг успел сформулировать приказ: *стоп, хватит*. Не грубо, но так, чтобы она поняла — дальше нельзя. Не потому, что злюсь. А потому, что ещё секунда — и я либо выругаюсь трёхэтажным, либо сделаю что-то, от чего завтра будет стыдно. А она стоит: глаза круглые, губы приоткрыты. И всё это на фоне десятка экранов, где за стеной кипит клуб. Контраст такой, что аж

смешно.

Отпустил запястье. Проверил камеры — всё спокойно. Значит, есть секунда, чтобы перевести дух.

И тут она снова потянулась.

— Настя, твою дивизию! — вырвалось у меня сквозь зубы.

Не со злобой, а с отчаянием. Как на полигоне, когда новобранец в пятый раз криво вставляет патрон в патронник. Терпение тает, но орать бессмысленно — только испугаешь.

А потом — тишина. Она замерла. Щёки пылали, дыхание сбивалось. И в этой паузе я вдруг понял, что она не издевается. Она и правда в ужасе. Искренне. Даже по-детски.

И стало смешно уже по-другому.

Ладно. Дыши, — приказал я себе. Боль уже отступила, осталось лишь тёплое пятно под тканью и лёгкое покалывание. А в голове мелькнула мысль, от которой захотелось усмехнуться: *меня доводит до белого каления девчонка. Жизнь иронична.*

Голос вышел ровным. Специально смягчил его, убрал сталь:

— Настя, всё нормально. Дышать не перестал — уже хорошо.

Увидел, как её плечи чуть опустились. Хорошо. Панику снял.

— Если ты прекратишь свои покушения, то жить буду.

Добавил тише, глядя ей в глаза:

— Аккуратнее в следующий раз.

Пауза. Смотрел на её пальцы, всё ещё сжимающие смятую салфетку.

— А трогать так мужчину... — мой взгляд скользнул вниз и вернулся к её лицу, — требует серьёзных намерений. Ты уверена, что готова?

Не флирт. Проверка. Хотел увидеть реакцию. А она лишь икнула и замерла, как испуганный котёнок.

Ну конечно. Что я ожидал?

Она попятилась к двери.

Бросил ей в спину, уже мягче:

— Спасибо за кофе.

Она вылетела. Я остался один среди экранов. Нашёл взглядом коридор на камере. Увидел, как она прислонилась лбом к стене. Тихо рассмеялся. Взял кружку с остатками эспresso. Отхлебнул.

Горько. Терпко. И, чёрт возьми, приятно.

Первый день осады, — подумал я, глядя на экран, где её силуэт медленно скрывался за дверью.

Потери: сухие брюки, иллюзия контроля. Приобретения:...

Замер. Приобретения?

Ладно, — усмехнулся я в темноту мониторов. *Пусть пока выигрывает она.*

Глава 5. Настя

Возвращаюсь в кабинет и падаю в кресло. Сердце всё ещё колотится где-то в горле, пальцы слегка дрожат, когда отодвигаю пустую чашку на край стола.

Это что сейчас было?

Щёки сами собой наливаются теплом. Я его там... трога-ла? Я же не специально, кофе плеснулся, руки скользнули... Но ладонь точно прошлась по ширинке брюк, может, чуть ниже. И он замер. Как будто тоже не ожидал.

Интересно, кофе прям туда-туда попал? Нет, глупости. Скорее всего, рядом.

Проблем же не будет потом? Вряд ли. Он же взрослый человек. Хотя... а вдруг? А то он даже не женат. Ему ещё семью строить, детей делать... А тут я со своим неуклюжим кофе.

Вздыхаю, трясую головой. Довольно. Работать надо.

Анна Геннадьевна надавала поручений, как Золушке перед балом. Отчёты, сверка кассы, график на следующую неделю. Сроки, правда, не к утру — женщина она человеческая, — но делать нужно. Раскладываю бумаги перед собой, включаю лампу. Свет падает на стол, за его пределами полумрак и тихий гул клуба за стеной. Музыка приглушённая, как будто из другого мира. Иногда доносится смех, звон бокалов. Мой мир сейчас — это цифры, графы, подписи.

Около двух ночи в дверь заглядывает официантка Маша.

Выглядит растерянно, губы бледнее обычного. Что-то случилось.

— Насть, — говорит она тихо, подходя ближе. — За седьмым столиком книгу жалоб попросили. Пьяная компания, уже накатали три страницы, теперь главного требуют.

— А что так?

— Приставали. Танцевать звали, выпить. Я отказалась, они обиделись.

Я закрываю папку.

— Ну, раз старшего зовут, то это ко мне.

— Давай охрану попросим разобраться?

— Нет, Маш, пойду. Что они мне сделают? Спрошу спокойно, чем недовольны. Может, просто выпить хотят, и ты тут ни при чём вообще.

Выходим вместе. У седьмого столика четверо. По виду студенты: джинсы, футболки, кроссовки. Один в футболке с надписью на английском, которую он сам, наверное, перевести не в силах. Лица красные, взгляды плывущие.

Подхожу, улыбаюсь вежливо.

— Добрый вечер. Я администратор клуба. Слышала, у вас возникли вопросы?

Замечаю, как рядом встаёт Андрей, охранник. В обиду меня не даст. Но это не спасает от ощущения, что я в клетке из их взглядов.

Один, рыжий, ухмыляется:

— Персонал у вас неприветливый. Официантка не хочет

ни с нами выпить, ни потанцевать. Мы что, чумные?

— Молодые люди, официанты здесь работают. У них регламент — обслуживать гостей, а не отдыхать вместе с ними. Это запрещено правилами клуба.

— А тебе? — спрашивает другой, темноволосый, оглядывая меня с головы до ног. — Тоже запрещено?

Чувствую, как по спине пробегает лёгкий холодок. Но голос держу ровным:

— Мне тоже запрещено. Я тоже на работе.

— Обидно... — протягивает рыжий, наклоняясь ближе. — Ничё такая... Может, после работы развлечёмся, м? Мы подождём.

— После работы тоже не получится.

— А чего так? С нами может быть очень интересно! — ржут все четверо, как по команде.

И тут меня мягко, но уверенно отодвигают в сторону. Дмитрий. Он не подошёл, а вошёл. Одним движением. Без шума, но пространство вокруг изменилось. Воздух стал плотнее. Плечи закрывают мне обзор, спина прямая. Военная выправка. Голос низкий, без повышения тона.

— Так, орлы. Докладываем ситуацию? Перепили? Или просто проблем хотим?

Он не кричит. Просто стоит. И смотрит. И этого достаточно — парни сразу сдулись.

Рыжий моргает, сбит с толку.

— Да мы ничего... — тушуетсся. — Хотели вот девушку

после работы проводить...

— Она не просила. Её есть кому провожать. — Дмитрий не смотрит на них, он сканирует. — Вопросы к обслуживанию есть?

— Нет...

— Теперь слушайте внимательно. Вариант первый: вы допиваете то, что заказали, не трогаете персонал, уходите как все нормальные люди. Вариант второй: я вызываю коллег, составляем протокол за хулиганство, вас увозят в отделение. Выбор за вами.

Он не кричит. Не угрожает. Просто раскладывает варианты, как задачу. И в этом спокойствии больше страха, чем в любом рёве.

Парни заёрзали.

— Да мы ничего... просто пошутили...

— Шутки можете между собой пошутить. Я ясно изъясняюсь, или, может, выйдем и на улице поговорим?

— Поняли... поняли мы...

Уходим. Дмитрий идёт рядом, рука лежит у меня на лопатке — просто придерживает, направляя в сторону служебного коридора. Ладонь тёплая, тяжёлая. Я не отстраняюсь. Странно, вроде должно быть неловко, а мне... спокойно. За спиной — настоящее прикрытие.

Но как только заходим в коридор, он останавливается. Поворачивается ко мне. Смотрит сверху вниз, серьёзно, почти строго.

— То, что ты бедовая, я уже понял. Но не думал, что ещё и глупая...

Слово бьёт точно в солнечное сплетение.

Глупая.

Губы сжимаю так, что зубы впиваются в мягкую плоть изнутри. Не перечу. Не оправдываюсь сразу. Просто стою и сверлю его взглядом. Потому что я не глупая. Я сама в универ поступила, на бюджет, между прочим. Сама отучилась почти шесть лет, подрабатывая официанткой по ночам. Мне никто не помогал. Ни разу. Ни материально, ни морально. Я знала: если упаду, то встану сама. И вставала. Не раз.

— Настя, — он чуть наклоняется, голос тише, но не мягче, — ты зачем к пьяной компании сама пошла? Их четверо. Они пьяные. Ты одна.

— Так они позвали старшего... Я тут как бы администратор...

— А охрана на что? Нас тут для красоты, что ли, держат?

— Ну, Андрей же рядом был, он сразу подошёл...

— Андрея я послал, когда понял, что происходит по камерам.

Молчу. Не знала. Не подумала.

— А если бы они агрессивные были? Ты же девчонка, Настя. Куда прёшь, как танк?

— Но обошлось же?

— Обошлось. Только скажи честно: если бы я не подошёл, долго ещё с ними разговаривала бы? Они бы тебя отпустили?

Не отпустили бы. Я это понимаю сейчас. Они бы продолжали — шуточки, прикосновения, «ну дай номер телефона». И я бы стояла, улыбалась сквозь зубы, потому что «я администратор, я должна»...

— Не знаю, — говорю честно. — Может, и нет.

Он вздыхает. Проводит ладонью по лицу. Усталость в его глазах настоящая, не наигранная.

— Настя... Я тебе плохого не желаю. Больше так не делай. Никогда. К пьяным, тем более если их несколько, сама не подходишь. Либо охрана разбирается, либо менты. Точка. Поняла?

Гордость ноет. Хочется сказать «я справилась бы». Но... не справилась бы. И он прав.

— В моей практике пьяные с виду «студенты» ломали руки официанткам за отказ сфоткаться. Поджидали с ножом за пазухой. Не потому что злые, а потому что пьяные и считают себя непобедимыми. А ты одна. Их четверо. Математика простая.

— Хорошо. Поняла. Я не знала... У меня это первый раз.

Пауза. Он смотрит на меня, уже не строго, а... по-другому. Внимательно.

— Испугалась?

Честность — мой конёк сегодня.

— Нет.

Удивлённо приподнимает бровь.

— Не ожидал такого ответа.

— Я не трусиха. Просто... неопытная. Есть разница.

Он кивает. Мол, принял.

— Ты домой во сколько? Я подброшу.

— Не нужно. Я с ребятами. На такси. Мы вместе всегда ездим, нам по пути.

— Хорошо. Понял.

Он стоит, будто что-то хочет добавить. Потом мотает головой, будто отгоняя мысль.

— Иди работай. И Настя... В следующий раз вызывай. Я прикрою.

Уходит. Я смотрю ему вслед. Широкая спина, уверенная походка. И чувствую, как щёки снова теплеют.

Глава 6. Дмитрий

Сердце ушло в пятки. Глухой толчок в груди, будто кто-то с размаху вогнал кулак под рёбра. Настя вынырнула из-за стойки бара, заправила выбившуюся прядь за ухо. Жест простой, но в нём столько незащищённости, что зубы сжались сами. И пошла к седьмому.

За столом четверо пацанов, которым, судя по виду, ещё вчера родители напоминали «не забудь зубы почистить», вели себя так, будто им весь мир в придачу к наследству положили. Руки раскинули, как орлы крылья, голоса на полтона выше нормы, а взгляды... Взгляды ползли по Настиным бёдрам так, будто она не человек, а новая модель телефона в витрине... потрогать бы, пощупать, «а как включается?».

Я вскочил так резко, что стул подо мной едва не рухнул, а колено гроыхнуло о столешницу.

Блядь.

В наушник, коротко, без паники: — Андрей, седьмая зона. Срочно.

Минута — и я между ней и этим столом. Спиной к ней. Андрей подоспел за секунду, стоял чуть сбоку, прикрывая фланг. Мы с ним, как два медведя в узком проходе: не рычим, не скалимся. Просто занимаем всё пространство. Воздух сгустился. Один из пацанов открыл было рот и захлопнул. Потому что понял: не тягаться им с нами.

Забираю Настю, мягко, но твёрдо. Вывожу. Ругаю, как новобранца, но стараюсь не жестить.

Вижу, что обиделась. Молчит. Глаза блестят — то ли от злости, то ли от испуга, который стыдно признать. Но потом плечи опускаются. Подбородок перестаёт дрожать.

Дошло. Молодец. Умница.

Хочется обнять. Прижать к себе, уткнуться лбом в её волосы, почувствовать, как бьётся её сердце. Но стою по стойке «смирно». Потому что знаю: один неверный шаг — и всё пойдёт по звезде. А мне нельзя по звезде.

Предлагаю подбросить после работы. Отказывается, конечно. Кто бы сомневался.

Ладно. Твоя воля. Главное — не передавить сейчас. Но я не отступлюсь.

После закрытия клуб выдыхает: музыка стихает, свет приглушается, персонал тянется к выходу. Семён остаётся закрывать, я за ребятами. Настя с Машей и Романом ждут такси у обочины. А метрах в пятнадцати стоят те четверо. Курят свои модные вейпы. Стоят. Смотрят. Не уходят. Рядом ждёт такси.

Начинается.

Подхожу к своим. — Ребятки, поехали. Я вас развезу. Орлы наши, по ходу, ещё не протрезвели. — Киваю в сторону.

Маша шипит: — Блин, ну чё им надо-то?! Задолбали! Придурки!

— Пошли, — говорю спокойно. — Такси отменяйте.

Веду к своей машине. Задняя дверь — девчонкам, Роман-бармен впихивается спереди. Завожу. В зеркале заднего вида вижу, как такси трогается следом. Не отстают.

Палить адреса будут. Малолетние гандоны.

— Ребят, прокатимся немного. Не сразу развезу.

Все поняли. Тишина в салоне. Никто не разговаривает, не смеётся. Мне тоже не до смеха, надо разруливать.

Набираю Костю — дежурного в агентстве. — Кость, такси нужно тормознуть. В «Луне» дебоширили, к персоналу приставали, теперь за девчонками хвост волочат. Возможно, под чем-то. Организуй проверку. Быстро, — называю номер машины, маршрут.

Пять минут — и мигалки режут темноту. «Патрульная» встала поперёк дороги. Таксист затормозил резко.

Роман оглядывается: — Это что сейчас было?

— Урок, — отвожу взгляд на дорогу. — По-хорошему попросил, они не поняли. А я повторять не люблю.

— Но они вряд ли под чем-то... Только пили вроде.

— Только? — хмыкнул. — А менты пусть теперь разбираются. Отпустят, но ночь в отделении, протоколы, родителям звонок... Жизнь попортят. Может, в следующий раз подумают, за кем хвост волочить.

Вбиваю адреса в навигатор. Настя — последняя. Это хорошо. Больше времени побыть вдвоём.

Смотрю на неё в зеркало. Расстроенная или просто уставшая, не пойму. Сидит, щёку к стеклу прислонила. Свет фо-

нарей бежит по её лицу — тень, свет, тень... Я ловлю себя на том, что запоминаю каждую линию: изгиб брови, тень от ресниц, как вздрагивает веко, когда машина проезжает через яму. Как маньяк. Но не могу остановиться.

Машина скользит по ночному городу, тихо, без резких движений. В салоне пахнет кофе и лёгким цветочным парфюмом Насти. Машу и Романа уже высадил. Остались мы двое и тишина.

Она молчит. Смотрит в окно. Но плечи уже не напряжены, расслабились. Значит, отпустило.

Я сворачиваю на её улицу. Тихий район с пятиэтажками, старыми дворами, где жильцы ещё помнят, как зовут соседей по имени. Останавливаюсь у подъезда. Двигатель глохнет. Тишина становится плотной, почти осязаемой.

— Насть, приехали, — говорю мягко.

Она кивает, берёт сумку. Выходим из машины. Воздух свежий, прохладный. Она идёт рядом. Руки в карманах куртки, плечи подняты от холода.

— Спасибо, — говорит тихо. — За сегодня. Это было... круто. Как в кино прям...

Усмехаюсь.

— Не круто. Нужно было. Они бы не отстали. Малолетние уроды — самые опасные. Не боятся ничего.

Молчит. Мы подходим к подъезду. Старая железная дверь, но чисто, на ступенях ни соринки. Кто-то ухаживает.

— Дальше я сама дойду, — говорит она, уже тянется к

кнопке домофона.

— Насть...

Она замирает. Поворачивается. Взгляд открытый.

— Извини, если перегнул сегодня... — начинаю я, и голос предательски сдаёт — становится тише. — Просто... испугался. За тебя.

Щёки розовеют, как у девчонки, которой только что сказали комплимент. И это так мило, что в груди сжимается что-то тёплое и острое одновременно.

— Я была не права. Это было глупо с моей стороны. А ты... Ты прав...

Улыбаюсь. Едва заметно. Но искренне.

— Иди, Настя. Отдыхай. Спокойной тебе ночи.

Она кивает, нажимает домофон. Дверь со скрежетом открывается. Она переступает порог, а я стою, не уходя, жду, пока свет в окне третьего этажа не вспыхнет. Только тогда сажусь в машину. И еду домой. Один. Но уже не такой одинокий, как был до этого вечера.

Понедельник и вторник — клуб закрыт, у меня формальные выходные. Но обещание есть обещание: Миша ждёт меня в своём ресторане, нужно проверить охрану, осмотреть камеры, вникнуть в обстановку. Администратор ждёт к обеду.

Хочется хотя бы раз выспаться как нормальный человек. Лечь до трёх ночи, проснуться после десяти, почувствовать, как солнце ложится полосой на подушку. Но расслабляться

рано: если только в агентстве сегодня обойдётся без пожаров. А так бывает редко.

Один день. Хоть один день тишины — и я смогу вздохнуть.

Мечтаю об этом, пока ставлю будильник на десять.

Глава 7. Настя

То ли от стресса, то ли от усталости, вырубило меня, будто выключили рубильником. А поутру накрыл сон, такой плотный, что реальность с ним сплелась в один узел.

Дмитрий. Стоит передо мной в полумраке коридора «Луны», плечи напряжены, челюсть сведена. Ругает: «Что за дурь лезть к пьяным? Ты там одна против четверых? Голова для красоты?» Я мямлю что-то в ответ, а он вдруг хватает меня за плечи, так, что дыхание спёрло. И целует. Нежно. Не как в фильмах. Грубо. Словно наказывает за глупость, за беспечность, за то, что я лезу туда, где мне не место. А я ведь не хочу. Соппротивляюсь, упираюсь ладонями в его грудь, пальцы впиваются в ткань. Но он только сильнее прижимает меня к себе. Одной рукой обхватывает талию, другой — затылок, не давая вырваться.

Просыпаюсь резко, с перехваченным дыханием. Сердце колотится где-то в горле, в ушах шумит. Щёки пылают, а внизу живота странная тяжесть. Натягиваю одеяло до подбородка, будто кто-то видит. В комнате уже светло. Рука сама тянется к губам.

Что это вообще было?!

Заснуть больше не получается. За стеной слышу, как бабушка возится на кухне. Я лежу, уставившись в потолок, и в голове крутится только одно: «Он же просто охранник. Про-

сто работа. Просто...»

Встаю. Сегодня обещала заехать к Анне Геннадьевне в «Берлогу», посмотреть, как у них выстроены процессы. Может, и в «Луне» что-то получится изменить к лучшему. Завтра выходной, в универ не нужно. Идёт сессия, и до следующего экзамена ещё есть время, можно и поваляться, но не сейчас. Сейчас нужно выветрить этот сон, вытряхнуть из себя эту странную дрожь.

Квартира наша — двушка в старом районе. Небольшая, но уютная. Бабушка — мама моей мамы. Она отдала мне спальню, сама спит в зале на диване. Родители умерли почти десять лет назад. Авария на трассе. Осталась только одна бабушка. И квартира от родителей — моё наследство, как она шутит. Сдаём её, иначе на одну пенсию с диабетом второго типа и дорогими лекарствами не протянуть. Поэтому я уже три года подрабатываю официанткой. То в кофейне по утрам, то в клубе по вечерам. Университет, работа, дом. Круг замкнулся.

Личной жизни у меня нет. Не то чтобы я её избегала, просто не сложилось. Парни в универе смотрят мимо: я не та, кого замечают. Не надеваю короткие юбки, не хожу с распущенными волосами, не смеюсь громко, чтобы привлечь внимание.

Одеваюсь всегда просто. Макияж — если только тушь и блеск для губ, и то через раз. На вечеринки не хожу. В общем, серая мышь...

А тут — Дмитрий. Плечи, как дверной проём. Руки с венами и шрамами. Видно, не в офисе сидел. Голос — низкий, будто из-под земли идёт, и когда говорит рядом, то вибрирует кожа на предплечьях. И говорит такие вещи: «Ищу жену», «Трогать можно только с серьёзными намерениями», «Я за тебя испугался»... И такие сны. Смущает до мурашек на коже.

На кухне бабуля уже напекла блинов, пахнет уютом. Чайник на плите, солнце пробивается сквозь запотевшее окно.

— Настён, ты чего так рано? Я разбудила? — спрашивает, поправляя фартук.

— Нет, ба, сама проснулась. Сегодня по работе еду к Анне Геннадьевне в ресторан.

— Так выходной же?

— В клубе да. Но я поеду учиться. Ты же помнишь, я рассказывала про неё?

— А, ну если учиться — это святое. Садись, сейчас подам.

— Ба, я сама...

— Ты устаёшь, Настён. Мне не сложно.

Сижу, грею ладони о кружку. И сама не знаю, как рассказываю про вчерашнее. Как вышла к пьяным гостям, как Дмитрий вмешался, отругал, а потом всех развёз по домам.

— Ух, какой! — бабушка прищуривается. — Отругал за дело. Куда ты, бестолковая, полезла-то...

Расспрашивает: сколько лет, женат ли, есть ли дети, давно ли работает. Я отвечаю уклончиво, мол, взрослый мужик,

ничего о нём не знаю, всего несколько дней в клубе. А сама чувствую, как по шее поднимается жар. Сначала шея, потом уши, потом щёки. До кончиков волос краснею. Бабушка замечает и усмехается в чайную кружку.

— Настён, а чего ты покраснела? Нравится, что ли? — смотрит хитро.

— Ба! — голос срывается на писк. — Он просто по работе помог! Это его работа — охранять.

— Ммм, работа... — тянет она, попивая чай. — Ну посмотрим-посмотрим.

«Берлога» оказалась совсем не берлогой. Светлое пространство с деревянными балками под потолком, мягким светом бра на стенах, запахом свежей выпечки. Уютно. Как дома.

Анна Геннадьевна — энергичная, провела мне целую экскурсию. Познакомила с барменом Стасом — симпатичным парнем лет двадцати пяти с лёгкой улыбкой, тёплыми кари-ми глазами и руками, которые знают своё дело. С шеф-поваром — взрослым мужчиной с забавными усами и добрыми глазами, от которого пахнет чесноком и тимьяном. Потом увела в кабинет.

Светло, чисто, на столе ни одной лишней бумажки. Она достаёт папки, показывает, как ведётся учёт, как строятся смены, как контролируется касса.

— Вот смотри, Насть, здесь логика. Не хаос, а система. Ты в «Луне» сможешь так?

— Постараюсь, — шепчу я, листая документы. — У нас... чёрт ногу сломит. Никак не приведу в порядок.

— Будет время — приведёшь. Главное — начать.

Её зовут из зала. Она пододвигает мне папки:

— Посиди, посмотри. Я скоро.

Сию часа полтора. Всё так чётко, так логично, будто пазл сложился. Мысли проясняются. Даже не замечаю, как время летит.

Выхожу в зал, её нет. Подхожу к барной стойке. Стас улыбается, вытирая руки о полотенце.

— Шеф нам консультанта по охране прислал, Анна Геннадьевна ушла с ним к охране. Давно уже.

— Консультант по охране? — переспрашиваю я машинально.

— Да, какой-то мужик. Серьёзный такой. Вроде бывший военный.

— Насть, давай я тебе кофе сделаю? Мой фирменный. — Стас уже достаёт кружку.

— А рецептом поделишься?

— Нет, это секрет. Иначе не фирменный. — Улыбается так, что хочется улыбнуться в ответ.

Кофе получается густой, бархатистый, с молочно-фисташковым послевкусием. Не магазинный сироп, а настоящая молотая фисташка, чувствуется текстура на языке. К нему он ставит десерт — наполеон с заварным кремом.

— Это наш хит. Попробуй.

— Сколько стоит? Я заплачу.

— Угощаю. Ты же гостя, не клиент.

Гостя. Не коллега, не клиент. Приятно.

Мы болтаем — о жизни, об учёбе, о том, как он начал работать барменом. Легко. Просто. Без напряжения.

Возвращается Анна Геннадьевна, садится к нам.

— Стас, и я хочу твой фирменный! — дует губами как ребёнок.

— Уно моменто, шеф! — смеётся он.

— Приворожил уже своим кофе? — спрашивает она меня.

— Да. А десертом добил.

— Насть, оставайся на обед! Шеф сегодня в ударе.

— Ой, я уже наелась... Может, в другой раз?

— Обязательно в другой раз.

Ещё час разговоров, лимонад «Манго-маракуйя» за счёт заведения — кисло-сладкий, с лёгкой терпкостью, — лёгкость в груди. Не хочется уходить. Но пора.

Собираюсь, прощаюсь. Стас вдруг говорит тихо:

— Насть, может, номерами обменяемся? Как-нибудь сходим погулять...

Я замираю. Сердце — стоп. Потом — тук-тук-тук.

— Извини, если не хочешь... Я просто подумал, что нам интересно вместе...

— Я не против, — выдыхаю. — Просто... растерялась.

Обмениваемся номерами. Выхожу на улицу, прижимаю

телефон к груди. Внутри какое-то странное чувство, лёгкость от общения со Стасом и... что-то ещё.

И тут вижу знакомый силуэт.

Спиной ко мне. Та же куртка, джинсы, берцы. Стоит у подъезда, курит. Дым поднимается в морозном воздухе белой струйкой. Дмитрий.

Что он тут делает?!

Спускаюсь по ступенькам, быстро, сердце колотится. На последней ступени нога соскальзывает. Резкая, жгучая боль пронзает лодыжку. Вскрикиваю. Телефон вылетает из рук, шлёпается на асфальт. Наклоняюсь за ним. Вижу приближающиеся берцы и тут же резко вскидываюсь, ударяясь затылком о что-то твёрдое.

— Ай!

— Настя... — приглушённый голос.

Смотрю вверх. Дмитрий зажимает нос рукой. Между пальцами сочится кровь, капает на снег алыми точками.

Я ему нос разбила?!

— Дмитрий, вы как?! Дайте посмотрю!

Он делает шаг назад. Резко, как от чумной. Я бы тоже от себя шарахалась: приложила по голове, облила кипятком, теперь нос... Просто класс...

Отходит к обочине, берёт горсть снега, прикладывает к лицу. Снег тут же окрашивается в красный.

Достаю из рюкзака салфетки — влажные, сухие.

— Давайте я...

— Насть, отставить панику, минуту дай мне. И не выкай. Договорились же на ты.

Голос хриплый, но спокойный. Отходит чуть в сторону, стоит спиной. Я стою столбом, сжимаю салфетки в руках. Нога пульсирует, больно, но сейчас не об этом.

Он был там. Видел меня. Ждал? Или просто курил?

Через пару минут он подходит. Нос красный, но кровь остановилась.

— Ну что, беда. Поехали?

— Куда? Я домой... — делаю шаг и тут же вскрикиваю от боли в ноге.

— Насть, — он смотрит на меня сверху вниз, взгляд скользит по ноге, задерживается на ботинке. — Это не шутики. Лучше проверить. Поехали в травму.

— Я сама могу...

— Нам по пути. Нос тоже хочу показать — вдруг новый перелом добавила? — в его голосе — тень усмешки.

— Я вам нос сломала?! Как же так...

— Возможно. Поехали.

И вдруг подхватывает меня на руки.

— Куда?! Поставьте! Сейчас же! — брыкаюсь, но он держит крепко, уверенно, как будто я ничего не вешу.

Доносит до машины. Ставит перед дверью.

— Насть, ногу сейчас напрягать нельзя. Вообще. А вдруг перелом — кости сдвинутся, потом вправлять придётся. Не буянь.

Открывает дверь, помогает сесть. Я молчу. Щёки горят. В машине пахнет кожей и лёгким запахом табака. Нога пульсирует под ботинком. Я терплю, хотя хочется снять и посмотреть, что там.

Он садится за руль. Молчит. Нос всё ещё красный.

Машина трогается. Я смотрю в окно. А внутри тихий, непонятный шторм. И вопрос, который не даёт покоя: он ждал меня? Или это просто совпадение?

Глава 8. Дмитрий

Будильник в десять. Избаловал себя. Раньше вставал в пять, пока служил. Теперь позволяю себе расслабиться по выходным. Но тело помнит режим: глаза открываются за секунду до звонка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.